

1. Саймон

Я беру зеленый одноразовый телефон, чтобы посмотреть время. На экране 8.51. Девять без девяти. Ряженные ребятишки разошлись по домам два часа назад, когда Грейс-Виллидж погрузилась во тьму, а теперь обитатели этой деревни для богатых укладываются спать.

Полицейские машины наверняка уже патрулируют здешние улицы, как обычно, но на Латроу-авеню они еще не появлялись. По крайней мере, я не вижу их, когда, стоя в передней дома Лорен, смотрю через дверной глазок на улицу затуманенными глазами. Нет, это не слезы. Я не плачу. Хотя я думал, что они придут. Но их нет. Да и потом, скорее всего, тоже не будет. Слезы — это для грусти, сожалений, раскаяния.

Но я и не спокоен — мое самочувствие сейчас вряд ли можно назвать нормальным, вовсе нет. В ушах звенит так, словно где-то далеко заливаются колокольчики, сердце грохочет ТУК-ТУК-ТУК, пульс частит, отзываясь во всех уголках тела тревожной басовой партией, какую не услышишь даже в симфоническом оркестре. И все же моя рука не дрожит, когда я кладу ее на внутреннюю ручку двери — узорную золотистую защелку, какой впору закрывать подвал, полный королевских сокровищ. Вот только за этой дверью для меня нет сокровищ. Только опасность. Меня не должно быть здесь, в доме Лорен.

Обернувшись, я в последний раз окидываю фойе взглядом.

Тело Лорен свисает с площадки второго этажа, почти касаясь мраморного пола пальцами ног. Оно висит неподвижно, ко мне лицом; ее голова, противоестественно круто склоненная вправо, лежит на узловатой веревке, обмотанной вокруг шеи, и кажется, что эта голова вот-вот отделится от тела и, словно мяч, запрыгает по полу. На Лорен костюм кошки, плотно облегающий каждый изгиб ее тела, и маскарадный макияж с усами и треугольной пипкой носа; даже ногти на руках и ногах покрашены черным лаком. Вылитая «Хэллоуин Барби», если такая, конечно, существует. Хотя почему бы ей не существовать — наверняка есть... Туго натянутая веревка тянется от шеи к перилам второго этажа, где обвивает кованые узорные балясины лестничной площадки, с которой наверняка замечательно видно фойе. Я смотрю на Лорен, но вижу не ухоженную женщину в сексуальном наряде, а обвалочный цех на мясокомбинате, где в холодильнике висят на крюках говяжьей туши, целые и частями.

Счастливого Хэллоуина, Лорен.

Я делаю шаг. Под моим ботинком хрустит осколок стекла от большой вазы со сладостями, которая разбилась в фойе. Зачем я пошел к ней — попрощаться? Надеть ей лодочку, которая свалилась с ее левой ноги? Я не знаю. Но намерение уходит, и я возвращаюсь к двери.

Потянув узорчатую задвижку вниз, выхожу на улицу, и ночной осенний воздух врывается в пространство моего капюшона, который закрывает мне все лицо, напрочь лишая периферийного зрения. Я ловлю себя на мысли, что забыл посмотреть в глазок, прежде чем выйти. Какая небрежность... А ведь сегодня не та ночь, когда я могу позволить себе небрежность.

Улицы поселка безлюдны, когда я, Мрачный Жнец с пластиковым пакетом в руке, прохожу мимо деревьев с висящими на них скелетами, мимо могил на ухоженных лужай-

ках перед домами, мимо живых изгородей, подсвеченных оранжевым светом, мимо окон, из которых на меня хмуро взирают привидения.

Маскарадный костюм прячет не только мое лицо, но и фигуру, однако рост в пять футов¹ и одиннадцать дюймов² не скроешь, и остается только надеяться, что если меня кто-нибудь увидит, то подумает, что это припозданный подросток возвращается после сбора сладостей (хотя такое вряд ли, ведь свет здесь выключают строго по часам, и праздник тут же заканчивается); ну или взрослый, который возвращается с вечеринки (хотя если полиция остановит меня и начнет задавать вопросы, то я не смогу назвать ни имени хозяина, ни номера дома). Остается только идти беззаботным шагом, как человек, чья совесть чиста. Несмотря на черный маскарадный костюм, он ни у кого не должен вызвать подозрения или тревоги — такая уж сегодня ночь. Но все-таки стоит придумать какой-то ответ, на случай если полицейские все же проявят ко мне интерес.

Как сказала мне одна мудрая женщина: «Лучшая ложь та, которая ближе всего к правде».

«Иду домой, — скажу я, если меня спросят. — Много выпил».

Должно сработать. Правда, я совсем не пил, но как это докажешь? А насчет того, что я иду домой, то это почти правда. По крайней мере, я иду в том направлении.

Прохожу насквозь поселок, расчерченный артериями пересекающихся улиц, и попадаю в парк на юго-восточной окраине. Сквозная диагональная аллея ведет меня мимо бездомных, спящих на скамейках, мимо качелей и детских городков, мимо кучки подростков на горке, с банками пива в руках, которые они старательно прячут при моем при-

¹ 1 фут = 30,4 см.

² 1 дюйм = 2,54 см.

ближении. Я иду, изображая из себя нормального человека, который думает о нормальных вещах. Да, давно я уже не думал ни о чем нормальном, даже отвык...

Я стал ненормальным тринадцатого мая этого года.

С тех пор и по сей день я играю в игру под названием «а что, если». Что, если б я не пошел стричься в тот день, тринадцатого мая? Что, если б декан не задержал меня тогда, вызвав к себе в кабинет, и я вышел бы на улицу на несколько минут раньше? Всего каких-то десять-пятнадцать секунд, и я не встретил бы ее, не узнал бы, что она вернулась.

Но это меня не успокаивает. И я решаю думать о том, что будет дальше. Моя тетрадь. Зеленая, под цвет телефона. Я ведь избавился от нее, так? Развел в камине огонь и жег ее до тех пор, пока от нее не осталась лишь кучка пепла. Или нет? Сжег я ее на самом деле или это мне только приснилось? Если полиция найдет эту тетрадь, то я пропал, моя песенка спета, партия сыграна, я получаю шах и мат.

Однако такие мысли не снижают уровень адреналина в крови, и я прибегаю к старому испытанному средству — начинаю перебирать слова, как делал еще в детстве, когда мне надо было успокоиться, отвлечься и перестать психовать. Например, почему «троллейбус» звучит как автобус для троллей? Или почему «фокстерьер» и «бультерьер» — это породы собак, а «экстерьер» и «интерьер» — нет? Даже не знаю, почему противоречие и странность так привлекают и, главное, успокаивают меня... Может быть, потому, что я сам такой?

Останавливаюсь. Ноги делаются ватными, накатывает изнеможение, пульс зашкаливает, тарыхтит где-то в горле. А ведь до Гарлем-авеню отсюда рукой подать, еще пара минут — и я выйду за пределы Грейс-Виллидж и окажусь в Грейс-Парк, более крупном поселении, практически городе, где живу я.

Д о м л ж и

Кое-как добредаю до сарая, где лежит оборудование для уборки парка, и ныряю за него. Там, упав на землю, сдергиваю с головы капюшон и прижимаюсь вспотевшим затылком к кирпичной стене. Шарю в пакете в поисках ножа. Когда я был маленьким, этим ножом у нас дома резали индейку на День благодарения. Сегодня я взял его с собой на всякий случай, вдруг понадобится.

Потом достаю зеленый телефон и набираю текст:

«Прости меня, Лорен. Прости за то, что я сделал, за то, что ты не любила меня. Но я нисколько не жалею, что любил тебя так, как никто другой. Надеюсь, там ты примешь меня и позволишь любить тебя так, как не хотела быть любимой здесь».

Покончив с этим, кладу телефон себе на колени, рядом с ножом. Вытягиваю вперед руку, внимательно смотрю на нее. Рука не дрожит, ни грамма.

Я вдыхаю полной грудью и киваю. Я сделаю это. Я готов.

ДО ХЭЛЛОУИНА

13 МАЯ 2022 ГОДА

2. Саймон

— **З**наешь, в чем твоя проблема? — говорит Аншу, хотя я ни о чем его не спрашивал. И вообще, если начать перебирать мои проблемы, то мы просидим здесь до утра. — Твой вид не соответствует твоей роли, — заявляет он, не дожидаясь, когда я произнесу положенную в таких случаях реплику.

— Мой вид... — Я окидываю внимательным взглядом застегнутую на все пуговицы оксфордскую рубашку и синие джинсы. — А что с ним не так?

— Ты одеваешься как студент. Но ведь ты — преподаватель.

— И что мне теперь, носить твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях? Может, еще трубку курить начать?

Я сижу в своем кабинете на четвертом этаже юридической школы с профессором Аншуманом Биндрой, и уж его-то никто не примет за студента. Профессорскую внешность ему подарила сама природа: лицо круглое, как у совы, аккуратно постриженная бородка и густой, вечно взъерошенный, что с ним ни делай, куст жестких волос на голове. Аншу откидывается на спинку кресла.

— Саймон, друг мой, Верховный суд Соединенных Штатов только что вынес мотивированное решение, в котором судьи ссылаются на твою работу. Это как если бы все судьи Верховного суда разом повернулись из Вашинг-

тона в сторону Чикаго и громко шепнули нашему ректору: «Пора назначить этого парня профессором». Ты должен собой гордиться. Чувствовать себя новым королем Четвертой поправки¹. А ты вместо этого заявляешься в таком виде, как будто на вечеринку студенческого землячества собрался.

— Какое отношение имеет к профессорству моя одежда? Разве не важнее, что я говорю, чему учу, о чем пишу и...

Но Аншу насмешливо складывает пальцы одной руки в подобие клюва и делает ими такое движение, как будто быстро болтает: йада, йада, йада...

— Посмотри на Рейда: вот он выглядит именно так, как положено выглядеть профессору. Спортивный пиджак и брюки, каждый день. Именно брюки, не джинсы.

Рейд Саутерн? Да этот парень для науки — как Поли Шор для драматического театра: родители у него со связями, и все об этом знают.

— Спортивный пиджак он носит, чтобы спрятать брюхо, — говорю я. — А в джинсы, наверное, просто не влезает.

Аншу опускает голову и щиплет себя за переносицу.

— Ну да, ты бегаешь марафоны, и половина твоих студентов наверняка не прочь с тобой подружиться... Зато Рейд выглядит как профессор. Не только выглядит, он ведет себя как профессор. Он слушает у себя в кабинете Моцарта! А ты слушаешь R.E.M., и N.W.A., и еще «Panic! at the Disco».

— Ну, во-первых, — я наклоняюсь к нему, — я никогда не слушал и ни за что не буду слушать «Panic!», тем более

¹Четвертая поправка к Конституции США является частью Билля о правах и запрещает необоснованные обыски и задержания, а также требует, чтобы любые ордера на обыск выдавались судом при наличии достаточных оснований, исключая случаи федерального законодательства.

«at the Disco». А во-вторых, какое отношение к профессору имеет музыка, которая мне нравится?

— Да тут не только музыка, тут целый пакет проблем. Вид у тебя... потертый, музыка неправильная и общее отношение тоже... так себе. Вот ты, например, считаешь, что дело не во внешности, так? А я тебе скажу, что внешность имеет значение, да еще какое.

— Нет, я знаю, что имеет. Но меняться ради них? И не подумаю. Да и почему я должен меняться? Дресс-кода в нашей школе нет. Как преподаватель, я куда лучше Рей-да Саутерна. Студенты его ненавидят. Я читал их отзывы. Как ученый, он в лучшем случае педант, пишет о вариантах истолкования обоюдного согласия в контрактном праве. Я же пишу о том, что государство систематически нарушает конституционные права собственных граждан.

— Ты чересчур самокритичен, раз уж мы об этом заговорили, — замечает Аншу.

Так, еще и это... Впрочем, почему бы и нет?

— А ты хочешь видеть меня самовлюбленным напыщенным ослом? Господи, Аншу, да ты противоречишь всему, чему учила меня мать.

Аншу выбрасывает вперед руку и тычет в меня указующим перстом.

— Вот что ты сейчас ляпнул Лумису в коридоре? Второй человек в чертовой комиссии по распределению должностей подошел поздравить тебя с тем, что Верховный суд процитировал твою статью, — и что ты ему ответил?

— А что? Не помню.

— Ты сказал: «Наверное, у Верховного суда был сегодня не лучший день».

О, точно, именно так я и сказал.

— А где же твоя благодарность? — продолжает Аншу. — Высшая судебная инстанция страны цитирует твою статью. Это что, каждый день случается? Ты не можешь

хотя бы один день немного собой погордиться, походить с видом именинника? Но нет, такое не для тебя, ты даже комплимент не можешь нормально принять, без самоуничтожения. И кстати, Рейд не ведет блогов, — ни с того, ни с сего добавляет он.

Я развожу руками.

— А блог-то тут при чем?

— Ты там шутишь. Смешишь читателей.

— А еще я обсуждаю разные судебные решения и анализирую, насколько они верны с точки зрения закона.

— Ты сочинил лимерик¹ о верховном правосудии Соединенных Штатов.

— Да, и он вышел забавным.

— Ну да, но нельзя же быть таким... нахальным и непочтительным.

— В смысле, нельзя не быть напыщенным? Нельзя не использовать сноски и латинские термины? Ты же знаешь, как я ненавижу сноски и...

— Да, мне известно твое отношение к сноскам. — Теперь он протягивает ко мне обе руки, а его лицо делается умоляющим. — Но профессора-правоведы пользуются сносками! Они сыплют латинскими терминами направо и налево!

А я — нет. Я одеваюсь так, как мне нравится, не подлизываюсь к факультетскому начальству за покерным столом и на коктейльных вечеринках, не пользуюсь латинскими терминами и ни за что, никогда не буду писать эти чертовы сноски.

Ну ладно, положим, это не битва за высоту Сан-Хуан², но для меня это дело принципа.

¹ Л и м е р и к — стихотворный жанр английского происхождения, пятистишие абсурдистского содержания.

² Б и т в а з а в ы с о т у С а н - Х у а н — крупное сражение испано-американской войны 1898 г.